

Сентябрьским утром 2018 года я, как обычно, шёл на работу в своё издательство по двору Александро-Невской Лавры и увидел издали похоронную процессию, двигавшуюся привычным маршрутом – Троицкий собор – Никольское кладбище. Зрелище привычное, хотя и нечастое: чести быть захороненным на Никольском удостоиваются лишь личности, имевшие значительные заслуги перед Церковью и Отечеством. Расстояние было немалое, однако среди провожающих мне удалось разглядеть несколько знакомых лиц. Процессия уплыла в ворота Никольского, а я, занимаясь привычными делами, ещё не догадывался, что дата 19 сентября 2018 года навсегда отложится в памяти.

Спустя несколько дней, привычно прогуливаясь по кладбищенским дорожкам, а Никольское – любимое место прогулок в перерывах между трудами праведными как насельников, так и сотрудников, я увидел вдалеке знакомую фигуру красивой женщины возле одной из новых могил. Подойдя ближе, с удивлением разглядел в ней Марину Викторовну Коняеву и узнал, что в те сентябрьские дни она стала вдовой. Стало досадно, что не хватило любопытства поинтересоваться тогда, кого провожают в последний путь знакомые мне люди.

С Николаем Михайловичем Коняевым судьба меня свела в 2014 году при неожиданных, а скорее, промыслительных обстоятельствах. Случилось так, что директором издательства Александро-Невской Лавры стал замечательный человек, поднявший из руин не один храм, генератор идей и проектов архимандрит Нектарий (Головкин). Я же, на тот момент, занимался в Лавре несколько иными, далёкими от журналистики делами, хотя и имел в своём жизненном багаже две изданные книги. Наверное, поэтому и получил от него предложение принять участие в развитии издательства. Планы о. Нектария содержали создание трёх, принципиально новых, журналов – детского, юношеского литературного, и академического, научно-публицистической православной направленности. Вот последний-то и было предложено создать мне. Задача представлялась нелёгкой, потому что для такого издания требовались серьёзные православные авторы-учёные. Но заманить в издание, никому не известное, маститых корифеев пера, да ещё на бескорыстных началах, не так-то просто. Но уж, назвавшись груздем, приходится с головой нырять в кузов.

Далеко не всех авторов удавалось заинтересовать проектом с туманной перспективой, но о. Нектарий посоветовал обратиться к своему давнему знакомому и коллеге по работе в Комитете защиты русской культуры писателю Николаю Коняеву. Это имя на тот момент мне ни о чём не говорило, поэтому, прежде чем набрать его номер, по своему обыкновению обратился к интернету и обомлел от обилия титулов и званий. Звонить стало страшновато, но я всё-таки это сделал, и меня поразила доброжелательная готовность к бескорыстной помощи.

Спустя пару дней обнаружил у себя в почте прекрасный литературный текст «Прогулка по Александро-Невской Лавре», ставший настоящей жемчужиной очередного номера журнала, в числе не менее авторитетных имён.

Так началось наше сотрудничество, к сожалению, не слишком продолжительное. Его тексты всегда отличались не только безупречным литературным стилем, но и глубоким знанием предмета. Научно-исторические материалы, поданные в непривычной литературной форме, обнаруживали неординарный аналитический подход. Это были не романы, как это сейчас популярно в среде псевдоисториков, а обстоятельные научные труды в литературной форме высочайшей пробы. Часто мне выпадала удача получать рукописи прямо из-под пера автора. Многие из них позже вошли в сборник «Небесная линия».

Николай Коняев

Случилось так, что финансовые проблемы вынудили издательство закрыть большинство проектов, задуманных архимандритом Нектарием. Перестал издаваться и мой журнал «Источник надежды». В поисках возможности его сохранить, в какой бы то ни было форме, мы создали специальный сайт «Кирилло-Мефодиевское чтение», на котором и стали выходить в виде ленты. Это привело к тому, что авторский коллектив распался. Каждому пишущему человеку важно тактильно ощутить свой опубликованный труд – перелистать страницы, вдохнуть запах типографской краски. Интернет ему не интересен. Интернет – братская могила идей, смыслов, стилей.

Из всего авторского состава меня не оставил один Николай Михайлович, продолжая предоставлять свои великолепные тексты. К сожалению, многие из них появились на ленте уже после его смерти.

Формирование личности потомственного русского интеллигента – в подлинном значении этого слова – Николая Коняева состоялось под влиянием примера его отца – директора сельской школы, в которой Николай вместе с братом и сестрой проводил свободное от уроков время. В свою очередь учителя из отцовской школы часто бывали в их доме, ведя неспешные беседы за чашкой чая. Маленький Николай, по его словам, «очень долго не мог отделить зареченских учительниц от своих родных и, пожалуй, пока не пошёл в школу, жил в уверенности, что весь тот берег заселён моими тётушками. А родных у нас было немного».

Семья жила бедно, но в воспоминаниях Николая Михайловича всегда подспудно сквозила гордость за своих родных в нескольких поколениях. Это и брат бабушки Иван Алексеевич Шергин – издатель дореволюционного журнала «Вестник Севера», погибший на этапе ещё в 20-е годы. Бабушкины сёстры – монахини Крестовоздвиженского монастыря, сгинувшие в лагерях. Двоюродный брат отца, подвергнутый страшным пыткам на допросах, но не подписавший ни одного оговора.

Вспоминая о семье своей матери, Коняев пишет:

«Мне стало понятно, откуда в ней была такая глубокая вера, которую не могли поколебать и десятилетия жизни без Церкви. Настоятелем храма в Остречинах, который исповедовал и причащал их семью, был новомученик Российский Иоанн Беликов, расстрелянный в 1937 году.

Когда я читал протоколы допросов отца Иоанна Беликова, на глаза навёртывались слёзы, но на душе становилось светло – с таким спокойным мужеством принял этот человек свой мученический венец».

Автобиографические воспоминания Коняева дают чёткое представление о природе его духовно-нравственной позиции, которой он не изменял до последних дней:

«Никакие события взрослой жизни, встречи, никакие переживания не способны заслонить того, что было тогда.

Более того... С каждым годом эти воспоминания становятся всё ярче и ярче, и, пытаясь найти решение какой-то проблемы, размышляя над каким-то вопросом, именно к этим воспоминаниям и обращаюсь я в первую очередь, а не к тому опыту, который накоплен во взрослой жизни...»

Православие вошло в его бытие органично, как вдох. Но вначале было Слово...

Ещё в детстве, спонтанно, как в новой игре, «обнаружил в себе способность сплести слова». Впервые случайно родившееся четверостишие пробудило в нём ощущение чуда: «...чистая радость заполнила моё существо, и не было пределов ей. Казалось, что этой радости хватит на весь мир».

К моменту окончания школы созрела твёрдая уверенность, что заниматься будет только писательством. Потом состоялись первые публикации, а затем Литинститут, а в итоге – полторы сотни книг, не считая переизданий. В Библиографическом словаре «Русская литература XX века» Института русской литературы Российской академии наук говорится:

«Чтение произведений Коняева всегда и серьёзное, и одновременно увлекательное занятие, но за острой фабулой и неожиданно обнаруженным фактом истории всё время слышится голос художника, пронизанный шемящей тоской по надмирному Свету и глубокой православной духовностью».

Характерная черта творчества автора – разнообразие жанров и литературных форм. Его образ мышления – это не только умозрительные представления писателя, но и безусловный научный подход, прослеживающий, как на фундаменте православия формировалась национальная государственность, идеология, национальный характер, да и сам русский язык:

«Православие для России не просто конфессия. Православие для нас – государствообразующая сила. Оно сформировало язык нашего народа и его национальный характер, определило законы нашего государства и его культуру.

И так и выстраивалась святыми князьями Русь, что совпадали пути спасения, и устройства русским человеком своей души с путями спасения и устройства государства».

Во всех трудах писателя лейтмотивом звучит раскрытие духовных смыслов русской истории. В этом кроется секрет возрастающего интереса к его работам именно в последнее, весьма тревожное время. Но, несмотря на этот факт и огромный библиографический послужной список, имя Коняева остаётся малоизвестно не только широкой публике, но и читающей. Поэтому очень важна популяризация воспоминаний тех людей, которые знали его лично, важна серьёзная литературоведческая работа по изучению, сохранению и продвижению его наследия, особенно в молодёжную среду. Более того, чиновникам от образования стоило бы задуматься о включении его произведений в школьные и вузовские программы взамен того хлама, которым они заполнены ныне. Возможно, в том, что сегодня так мало сказано о Коняеве, есть определённый глубинный смысл. Личность такого масштаба требует осмысления во времени: «Большое видится на расстоянии».

«Творчество настоящего русского писателя – это всегда соработничество Богу». Как удивительно созвучно жизненное кредо Коняева строчкам из письма святителя Игнатия (Брянчанинова) к игумену Антонию (Бочкову):

«Все дары Бога человеку достойны уважения. Дар слова, несомненно, принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Своё Слово. Слово человеческое подобно Слову Божию постоянно пребывает при отце своём и в отце своём – уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно... Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях – наставление и спасение человек».

Отпевали Николая Коняева в Троицком соборе. Обряд совершил митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов), близкий друг усопшего, специально приехавший в Петербург. Перед началом богослужения владыка Константин произнёс проникновенную речь о значении творчества большого русского писателя. На Никольском были совершены краткая лития и процедура прощания. Зачитывались телеграммы соболезнования от губернаторов города и области. Прощальные слова произнесли представители союза писателей.

Могила Николая Михайловича находится в живописном месте на берегу Никольского пруда рядом с горбатым мостиком. В основании изящно выполненного ажурного кованого креста выбита в граните лаконичная надпись: «Николай Михайлович Коняев. Русский писатель».

Многие ли из современных коллег усопшего понимают, какой глубочайший смысл и какая огромная ответственность заложены в этих двух простых словах?

Многие ли понимают, что, получая членский билет СП, они не статус приобретают, но принимают присягу на *служение*?

Коняев принял эту присягу задолго до получения билета. Это произошло ещё тогда, в детстве, когда «чистая радость заполнила его существо, и не было пределов ей». Это и был знак Свыше, благословение, которое даётся только избранным. Слова эти, простые и не пафосные, в полной мере соответствуют той жизни, которую прожил этот великий труженик, исполнивший присягу с честью и до конца, и для которого СЛОВО не только альфа, но и омега его Божественного предназначения.

На могиле Николая Коняева долгое время стоял простой деревянный крест, и именно эта простота отражала саму сущность не просто профессионального призвания, но понимания его как *послушания*. Именно так, как понимал его Коняев и как ему следовал всю свою жизнь, которой и доказал главное – вначале всегда будет СЛОВО.